

Командующий Цао, слегка заплетающимся языком, произнёс:

— Какой славный пухлый малыш, зачем его стрелять?

Он потряс оружием в руке:

— Это! Немецкое, отличная вещь! Со мной уже семь лет, вот! Дарю племяннику на память! Пусть тоже станет командующим!

Сказав это, он, чтобы выразить свою любовь, ущипнул ребёнка за щеку, и тот тут же залился плачем.

После окончания застолья Командующий Цао насильно увёл Шан Сижую, забрав его в свою резиденцию, чтобы продолжить вспоминать свои славные дни. Присутствие Шан Сижую заставило Чэн Мэйсинь не хотеть возвращаться домой. Она глубоко чувствовала поражение и обиду, едва сдерживая слёзы, тихо сказала брату:

— Эдвин, что ты скажешь?

Чэн Фэнтай ответил:

— Что именно?

Чэн Мэйсинь продолжила:

— Ты привёл Шан Сижую к командующему, и они снова сойдутся.

Чэн Фэнтай сегодня не хотел ей подыгрывать:

— Пусть сходятся! Он же мужчина, зять не может взять его в наложницы, чего ты боишься?

Сказав это, он сам отправился спать, оставив Чэн Мэйсинь в ярости, которая внутри неё кипела, и она мысленно проклинала его на чём свет стоит.

Чэн Фэнтай без настроения вернулся в спальню, плюхнулся на кровать и долго лежал, уткнувшись в подушки, не говоря ни слова. Вторая госпожа уже знала о происходящем снаружи. Она не слишком разозлилась из-за связи с кузеном, только вздохнула:

— Этот Шан Сижуй...

Чэн Фэнтай с ненавистью добавил:

— Ему просто не хватает урока!

Вторая госпожа хорошо знала его характер. Сегодня, после скандала с Шан Сижуюем, он, вероятно, не сможет проглотить обиду, и через пару дней начнёт искать неприятностей с Шан Сижуюем, что снова вызовет переполох. Она напряжённо сказала:

— Не лезь в драку, у него много защитников! К тому же он знаменит, скандал будет трудно уладить.

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Да. Я не буду драться. Я поговорю с ним по-хорошему.

На следующий день, как раз в воскресенье, Чэн Фэнтай решил навестить супругов Чан, чтобы успокоить их. Государство выделило Чан Чжисиню квартиру с ванной, и молодая пара жила там вполне комфортно.

Чэн Фэнтай нажал на звонок дважды, и дверь открыла служанка:

— Кого вы ищете?

Чан Чжисинь, сонный, завязывал пояс халата, выглянул из-за служанки:

— Господин Чэн?

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Сказал же, что я твой зять, не надо называть меня господином.

Чан Чжисинь улыбнулся, впустил Чэн Фэнтая, сам пошёл переодеться, затем прислонился к подоконнику и заговорил с ним.

Чэн Фэнтай спросил:

— А где твоя жена? Она в порядке?

Чан Чжисинь выглядел немного озабоченным:

— Не очень. Вчера у неё сдавило сердце, она не спала всю ночь, думала о том, чтобы уехать из Бэйпина. К утру она наконец успокоилась и сейчас отдыхает.

Чэн Фэнтай сказал:

— Прошу прощения за вчерашнее. Я был невнимателен.

Чан Чжисинь улыбнулся:

— Это не твоя вина. Ты ведь всё время был в Шанхае, как ты мог знать о тех событиях в Пинъяне?

Чэн Фэнтай ответил:

— Нет. Я слышал о событиях в Пинъяне. Просто не ожидал, что Шан Сижуй до сих пор держит обиду и даже устроил такой скандал. Это моя ошибка. Но, дорогой кузен, на этот раз вы не должны уезжать, как в Пинъяне, после малейшей неприятности. Работа в суде досталась вам нелегко. Шан Сижуй просто немного безумен и груб, он оскорбил вас, но больше ничего страшного.

Его откровенность вызвала у Чан Чжисиня чувство близости, и он подошёл ближе, сел и начал говорить:

— Шан Сижуйа я не боюсь. Но Мэнпин — твоя жена — его просто боится до смерти!

Чэн Фэнтай подумал, что это преувеличение:

— Чего бояться от лицедея?

В этот момент служанка подала два чая, Чан Чжисинь замялся, затем сказал ей:

— Сходи купи закуски, только не жареные, у жены от них болит желудок. Посмотри, есть ли овощные булочки и соевое молоко.

Служанка согласилась и вышла, Чан Чжисинь плотно закрыл дверь спальни, протянул Чэн Фэнтаю сигарету, сам закурил и сказал:

— Некоторые вещи, если их распространить, могут быть искажены, поэтому я рассказал только Фань Ляню, а теперь расскажу тебе.

Чэн Фэнтай серьёзно кивнул.

Чан Чжисинь понизил голос:

— Когда мы были в Пинъяне, Шан Сижуй и те скандалистки из Терема Водных Облаков довели Мэнпин до отчаяния, ни один театр не хотел её принимать, и она была вынуждена заплатить огромный штраф за расторжение контракта, потратив все свои сбережения. Мэнпин пришлось петь на улице, как нищенке. Все это, я думаю, ты знаешь.

Эти детали Чэн Фэнтай действительно не знал.

— Но знаешь, что ещё сделал Шан Сижуй? Он подговорил уличных хулиганов приставать к Мэнпин, и если бы я не пришёл вовремя, кто знает, что бы случилось...

Чан Чжисинь, вспоминая это, почувствовал страх, глубоко вдохнул сигаретный дым:

— Потом я сопровождал Мэнпин, когда она пела на улице, играл на скрипке и защищал её. Шан Сижуй не успокоился, связался с Маршалом Чжан и прислал солдат, чтобы разгромить наше выступление. Мэнпин испугалась его и умоляла меня уехать из Пинъяна. Шан Сижуй теперь говорит, что мы сбежали, но разве не он нас вынудил?

Чэн Фэнтай спросил:

— Разве не после вашего отъезда он связался с Маршалом Чжаном?

Чан Чжисинь ответил:

— Нет. Это он сначала связался с Маршалом Чжаном, а нас вынудили уехать из Пинъяна. Всё это Мэнпин скрывает, не хочет, чтобы люди знали.

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Он не ладит с тобой, это нормально. Дорогой кузен, не обижайся на мои слова, но он мог бы тебя убить, это легче, чем ненависть из-за жены. Но то, что он причинил вред твоей жене, это слишком жестоко и низко.

Чан Чжисинь покачал головой, стряхнул пепел с сигареты и сказал:

— Не было ненависти из-за жены. Он и Мэнпин — это не то, что все думают. Они не были в таких отношениях, как говорят.

Чэн Фэнтай повернулся, удивлённый.

Чан Чжисинь продолжил:

— Это правда. Шан Сижуня в детстве продали в Терем Водных Облаков, и Мэнпин вырастила его. Он любит Мэнпин, как ребёнок, который упрямо привязывается к взрослому, и эта привязанность стала болезненной. Он не позволяет своей сестре ставить кого-то выше него. Когда он впервые увидел меня с Мэнпин, его взгляд был словно он хотел меня съесть! Он бросился на меня, указывая пальцем и ругаясь. Скажи, разве бывает такой брат, это же просто безумие!

Чэн Фэнтай, хмурясь, усмехнулся:

— Хотя вы так говорите, мне всё же трудно поверить. Может, он просто поздно осознал свои чувства и не понимает их?

Чан Чжисинь решительно покачал головой:

— Нет, это не так. Ему было уже пятнадцать лет, и он часто спал с Мэнпин под одним одеялом, используя её грудь как подушку. Они везде ходили, держась за руки. Ели, откусывая по очереди. Мы с Мэнпин до сих пор не так близки. Если бы у него были хоть какие-то чувства, он не мог бы быть таким невинным в своих прикосновениях — ведь мужчина, если у него есть желание, не может его скрыть, и Мэнпин бы заметила. По-моему, его безумная привязанность — это то, как он видит в ней мать.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Похоже на него.

Чан Чжисинь продолжил:

— Есть ещё смешнее. Когда начались скандалы, кто-то спросил его: «Если ты не позволяешь своей старшей сестре быть с кем-то, значит, ты хочешь быть её мужем?» Шан Сижуй ответил: «Зачем мне быть её мужем, зачем ей вообще нужен муж? Что может муж, чего не могу я? Если она скажет, я сделаю». Ему сказали: «Ты не позволяешь ей выйти замуж, значит, ты тоже не женишься? Будете жить вдвоём, как муж и жена?» Он ответил: «Да! Она не выйдет замуж, я не женюсь! Нам вдвоём хорошо, нам не нужен никто другой». Зять, послушай, это не просто позднее осознание, это настоящая глупость.

Чэн Фэнтай покачал головой, задумался, но в то же время понял. Обычно гении в одной области обладают сверхъестественной проницательностью и талантом, но в других областях у них обязательно есть недостаток — будь то непонимание человеческих отношений, трудности в общении с миром, странный характер или даже физические недостатки. Гениальность Шан Сижуйя в театре не вызывает сомнений, как писали в газетах: «Дух и сущность тысячелетнего театрального искусства воплотились в одном человеке». Если бы он ещё и был социально адаптированным, проницательным и понимающим, разве это не было бы несправедливо, чтобы один человек обладал всеми дарами? Видимо, небо справедливо, и оно уравнивает всё, у него обязательно должна быть своя глупость.

<http://bllate.org/book/15435/1368565>